УДК 712.728.83

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ СРЕДА УСАДЕБНЫХ КОМПЛЕКСОВ БЕЛАРУСИ

Е. В. МОХОВА[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Рассматривается воздействие культурных ландшафтов на формообразование усадебной архитектуры Беларуси. С опорой на феноменологический исследовательский подход и контекстуальный метод, который позволяет исследовать взаимосвязь между архитектурой и природными особенностями места, определяется связь между различными типами белорусского ландшафта и усадебной архитектурой. Приводятся примеры усадебных комплексов в регионах Беларуси. Определяются основные принципы взаимосвязи ландшафта и архитектуры на разных уровнях привилегированных слоев общества.

Ключевые слова: усадьба; ландшафт; среда; средовой подход.

THE CONTEXTUAL ENVIRONMENT OF MANOR COMPLEXES IN BELARUS

E. V. MOKHOVA[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The article examines the impact of cultural landscapes on the shaping of manor architecture in Belarus. The connection between different types of the Belarusian landscape and manor architecture is determined, referring to the phenomenological research approach and the contextual method, which allows to explore the relationship between architecture and the natural features of the place. Examples of manor complexes by regions of Belarus are given. The basic principles of interrelation of landscape and architecture at different levels of privileged class of society are defined.

Keywords: manor; landscape, environment; environmental approach.

Введение

В последние 30–50 лет усадебная архитектура Беларуси вызывает значительный научный и социокультурный интерес, но, тем не менее, многие темы, связанные со средовыми аспектами усадебных комплексов и воздействием культурных ландшафтов на образ белорусской усадьбы, остаются малоизученными. Исследователями белорусской усадебной культуры А. Н. Кулагиным [1], А. И. Локотко [2],

Образец цитирования:
Мохова ЕВ. Контекстуальная среда усадебных комплексов Беларуси. *Человек в социокультурном измерении.* 2026; 1–2:46–52.
EDN: RQVRXB

For citation:
Mokhova EV. The contextual environment of manor complexes in Belarus. *Human in the Socio-Cultural Dimension.* 2026;1–2:46–52. Russian.
EDN: RQVRXB

Автор:
Екатерина Вячеславовна Мохова – старший преподаватель кафедры искусств и средового дизайна факультета социокультурных коммуникаций.

Author:
Ekaterina V. Mokhova, senior lecturer at the department of arts and environmental design, faculty of social and cultural communications.
katrina.mohova@yandex.ru

В. Ф. Морозовым[1], А. Т. Федоруком [3] в основном анализируется стилистика усадебных комплексов и прилегающей территории. Средовой метод в мировой и отечественной науке отражен в работах К. Норберг-Шульца [4], А. Г. Раппапорта [5], О. И. Генисаретского [6], К. Белюнаса[2] и др. Исследователями области ландшафтного дизайна усадебной среды являются А. П. Вергунов [7], Т. Б. Дубяго [8]. Структурные параллели в пространственной организации усадьбы и сельской жилой среды отмечены в работах исследователей Е. Э. Бломквист [9], Д. О. Швидковского [10]. Данных исследований на сегодня недостаточно для сохранения и восстановления среды и архитектуры усадебных комплексов Беларуси. Цель статьи – выявить принципы связи между различными типами белорусского природного ландшафта и усадебной архитектурой, опираясь на феноменологический исследовательский подход. Он до сих пор редко используется в архитектурных исследованиях; упомянутый подход позволяет выявить связь между различными типами природного ландшафта и архитектурой. Объектом исследования является усадебная архитектура. Предпринимается попытка перевести взаимосвязи среды и архитектуры в область культурного ландшафта.

Один из выдающихся разработчиков феноменологического исследовательского подхода, который в основном опирался на философию М. Хайдеггера, теоретик и историк архитектуры К. Норберг-Шульц в своем труде «Дух места: на пути к феноменологии архитектуры» («Genius loci: towards a phenomenology of architecture») писал: «Цель архитектуры выходит за рамки определения, данного ранним функционализмом. Когда мы рассматриваем архитектуру аналитически, мы упускаем конкретный характер среды, то есть само качество, которое является объектом идентификации человека и которое может дать ему чувство экзистенциальной опоры. Повседневный опыт говорит о том, что для различных действий требуются различные среды. Схожие функции, даже самые основные, происходят совершенно поразному и требуют места с разными свойствами в соответствии с различными культурными традициями и разными условиями окружающей среды. Функциональный подход исключил место как конкретное “здесь”, имеющее свои особые идентичности. Тем самым места не могут быть описаны посредством аналитических и научных концепций. Здесь наука абстрагируется от данности, чтобы перейти к нейтральному, объективному знанию. Однако то, что теряется, – это повседневный жизненный мир, который должен быть о человеке. И здесь выход – метод, известный как феноменология. Феноменология была задумана как “возвращение к вещам”, в противовес отхода от них» (перевод наш. – *Е. М.*) [4, с. 5–8]. Исследователь утверждает, что феноменология исходит из целостности компонентов, которые отличают близость к проявлению сущности вещей, а значит, и ко всему миру в целом. Связь архитектуры с природой может быть исследована с помощью феноменологических теорий места и архитектуры. Основа концепции места базируется на природных элементах, поэтому архитектура, отражающая дух места, должна быть контекстуальной по отношению к его доминирующим природным особенностям. Контекстуальная архитектура в природной среде выдвигает на первый план гармонию между человеком и природой.

Средовой подход является сравнительно новым методом исследования архитектуры и пространства как единого целого, в мировой и отечественной проектной методологии и практике он начинает свое развитие с 1970-х гг.

Новые методы феноменологического подхода применялись в исследованиях на территории Беларуси, в анализе сакральных пространств бывших территорий Великого княжества Литовского. Автор статьи «Ось симметрии как выражение открытого единства в барочных церковных ансамблях Великого княжества Литовского» («Axis of symmetry as an expression of open unity in baroque church ensembles of the Grand Duchy of Lithuania») К. Белюнас использует феноменологический подход для исследования явления двухсторонней оси симметрии в барочных сакральных пространствах и определяет взаимосвязи архитектуры со средой. В его анализе ось симметрии, выходящая за пределы зданий, становится инструментом организации окружающей среды и элементом ее связи с архитектурой. Ось, простирающаяся за пределы архитектуры, имеет вполне конкретную цель – направить человека к встрече со священным. Она воплощает стремление вступить с человеком в контакт, что способствует его взаимодействию с архитектурой и средой.

Феноменология стремится к возвращению в подлинное созерцание вещи. Поиск аутентичного, настоящего, заставляет архитекторов обращаться к восприятию пространства, понятиям тела, духа, места, света, материала, контекста, человека и работать с ними, что и является средовым подходом в проектной методологии и практике.

[1] *Морозов В. Ф.* История архитектуры Беларуси. Эпоха классицизма : учеб. пособие для вузов по специальности «Архитектура». Минск : Белорус. нац. техн. ун-т, 2006. 150 с.

[2] *Biliunas K.* Axis of symmetry as an expression of open unity in baroque church ensembles of the Grand Duchy of Lithuania // Research Gate : website. URL: https://www.researchgate.net/publication/379112526_Axis_of_Symmetry_as_an_Expression_of_Open_Unity_in_Baroque_Church_Ensembles_of_the_Grand_Duchy_of_Lithuania (date of access: 01.07.2025).

Образная значимость контекста

Взаимосвязь между усадебной архитектурой и культурными ландшафтами встречается на самых ранних этапах. Еще в Античности среда была важнейшим элементом организации пространства: в городах рядом с храмами богов высаживали священные рощи, создавали общественные сады, как, например, Священную рощу у храма Зевса (создана в 468–456 гг. до н. э. по проекту архитектора Либона из Элиды). Роща имела прямоугольную сеть аллей и объединяла все архитектурные сооружения комплекса. В античном Риме в загородных виллах императоров и богатых патрициев создавалась среда со сложными гидротехническими сооружениями, искусственными водоемами, фонтанами. Красивый пейзаж имел важное значение при выборе места для строительства виллы. В качестве примера можно привести виллу императора Адриана (построена примерно в 118–134 гг. в холмистой местности в окрестностях нынешнего Тиволи в Италии) [11, с. 104–105]. После падения Римской империи многочисленные феодальные государства воевали друг с другом, что вынуждало их возводить оборонительные сооружения, защищать города стенами. В связи с этим города были плотно застроены, что ограничивало возможности развития среды вокруг замков и резиденций королей. Внутренние сады, организующие среду, занимали небольшие территории. Некоторые замки, как, например, замок Стирлинг (резиденция королей Шотландии), кроме внутреннего сада в стенах замка, имеют сад у подножия скалы, на которой они расположены [11, с. 110].

В эпоху Ренессанса идеальные формы (круг, квадрат) считались лучше природных. Человек, как сын Божий, мог контролировать дикую природу, подчинять ее себе. Итальянские архитекторы (Д. Виньола, А. Палладио, П. Лигорио и др.) разрабатывали приемы организации среды, уделяя большое внимание садам и паркам. Они использовали следующие композиционные средства: ансамблевость (композиционное единство архитектуры и среды вокруг); строгую организованность и уравновешенность композиции; регулярные приемы планировки сада и парка; размещение зданий на крутом склоне и организация продольных (вдоль склона) и глубинных (поперек склона) перспектив; террасирование склона и создание высоких подпорных стен с балюстрадами, вазами, скульптурами; создание разнообразных водных устройств с каскадами, фонтанами, бассейнами; стрижка деревьев и кустарников; чередование открытых и закрытых пространств сада и парка. Если вилла Ротонда (1567–1605) в окрестностях Виченца по проекту А. Палладио имеет центричную композицию, в которой архитектурный объем доминирует над средой (вилла расположена на холме и при помощи широких лестниц связана со средой), то вилла д'Эсте в Тиволи, построенная по проекту П. Лигорио (1575), имеет осевое композиционно-пространственное построение с ориентацией оси на центр виллы. Здание расположено на верхней террасе, откуда открывается панорама среды. Вилла имеет террасный сад с перепадом высот рельефа около 50 м.

Если среда Ренессанса является пространством взаимодействия интеллектуалов, философов, созерцателей, то барочная среда – скорее театральной сценой, где посетители сами превращаются в актеров, готовых к приключениям и неожиданным сюрпризам. Граница между культурными и природными ландшафтами в виллах барочного периода конструируется в барочной игре. Иерархия перехода от дикой природы к вилле и парку прослеживается в вилле Альдобрандини в Фраскати, созданной по проекту архитектора Д. Порта в конце XVI в. Монументальное здание расположено на высоком склоне, оно доминирует над окружающим ландшафтом. Основной сад виллы скрыт от взора посетителей мощным зданием, лишь из внутренних покоев можно полюбоваться феерией водяного театра – своеобразной садовой сценой, состоящей из полуциркульной высокой подпорной стенки, украшенной нишами, скульптурой и водными устройствами. За водяным театром центральная перспектива резко уходит вверх и продолжается каскадом, увенчанным двумя колоннами с типично барочными, спиральными спусками, по которым вода устремляется вниз, к ступеням, создавая ощущение бурного движения. Театральными декорациями здесь служат зеленые стены из подстриженного вечнозеленого дуба. Создатели сознательно стремились зрительно растворить «укрощенный» человеком сад-театр в окружающей, дикой природе. Контраст (граница между природой и культурой) контролируется визуально на всем пути следования по террасам сада и исчезает только на самом верхнем уровне, где находятся естественные источники, питающие каскад и другие фонтаны. Только с этой точки визуальный «контроль» со стороны палаццо исчезает и открывается вид на Рим. [12, с. 56–57.]

В качестве примера перехода открытого пространства ландшафта в интерьер можно рассмотреть дворец графов Шереметьевых в Кусково (1750–1770). Сохранившиеся документы не позволяют достоверно назвать имя архитектора проекта усадьбы. Наиболее реалистично представляется мысль о совместном творении архитектора и заказчика: «В одной из парадных стены, двери, потолок и пол зеркальные, в другой столы из малахита, в третьей на столах фарфоровые изображения зверей и животных в маленьком виде, в четвертой аптеки из Геркуланума. В библиотеке модель Иерусалимского храма и Вифлеема, также восковые бюсты Вольтера, Жан-Жака Руссо, Франклина и других великих людей. В оружейной редкое собрание древнего и нового оружия, английские, французские, гишпанские, черкесские, греческие и китайские ружья, дамасские сабли. Между конскими приборами находится сокровище: седло

Карла XII, доставшееся знаменитому сподвижнику преобразователя России графу Борису Петровичу Шереметеву в сражении под Полтавою» [13, с. 85–86]. То же природное и культурно-историческое многообразие мира создавалось и в парке, как следствие возникновения эклектичности: домик с прилегающим садом в итальянском стиле, столы из итальянской мозаики и т. д. Стиль парка тесно связан с естественным ландшафтом, что обеспечивает непрерывную смену картин природы. Группы растений чередуются с открытыми полянами, хорошо освещенными солнцем. Территория парка рассекается дорожками, аллеями. На береговых линиях водных объектов высажены деревья и кустарники, имеющие контрастные формы крон, что делает усадебный комплекс еще более живописным.

Усадебные дома Беларуси как образ культурного ландшафта

Сохранившийся иконографический материал об усадьбах Беларуси (акварели Ю. Пешки, Н. Орды, рисунки Ч. Манюшки) свидетельствует о значимости контекстуальной среды усадебных комплексов, и, безусловно, определяет важную роль среды. В своих акварельных произведениях Ю. Пешка изображал архитектуру в среде с бытовыми деталями. Он показывал людей, которые совершают пешие прогулки, беседуют, ведут лошадей и т. д. На акварели «Вид улицы Волоцкой в Минске» (1800) художник изобразил усадебный дом семьи Ваньковичей в среде менее живописной, чем у мастера белорусского архитектурного пейзажа Н. Орды, акцентируя внимание на панорамном виде и переднем плане, где изображен двор. В произведении «Минск. Лошица» (ок. 1800) главным выступает панорамный вид: на переднем плане разворачиваются бытовые действия, и только вдали виднеется усадебный дом, находящийся в среде, но, опять же, не столь живописной, как у Н. Орды. Несмотря на менее живописную среду усадебных домов, Ю. Пешка довольно точно определяет ключевые моменты усадебного проектирования: усадебный дом находится на возвышенности, окружен садом или парком, имеет видовые точки обзорности. Так, Н. Орда в каждом своем произведении изображает усадебную архитектуру, утопающую в зелени, наравне показывает архитектуру и среду («Дворец Тышкевичей в Логойске» (1846–1876)). При рассматривании его акварели возникает чувство, что усадьба окружена тонкими запахами, приятными звуками, тенистые аллеи передают уют и спокойствие. Его произведения говорят о значимости среды наиболее открыто по сравнению с работами других мастеров иконографического материала о белорусских усадьбах. Значимость среды также прочитывается у художника М. Кулеши, который в разное время жил в Пинске, Гродно и сделал множество рисунков, литографий, живописных и архитектурных пейзажей («Церковь на Коложе», «Старый и Новый замок в Гродно», рисунки замка в Мире, виды Пинска, Слуцка и др.). В произведении «Церковь на Коложе» зритель находится у подножия холма, на котором изображены перепады рельефа, деревья, плавное обтекание возвышенности водной гладью. Архитектура и среда гармонично взаимодействуют, изображение людей придает произведению динамику и отражает пропорции человека, природного ландшафта и архитектуры.

В книге «Живопись Белоруссии XIX – начала XX в.» Л. Н. Дробов упоминает художника В. С. Садовникова и его пейзаж «Верки» (литография в «Виленском альбоме» Я. К. Вильчинского). Будучи крепостным живописцем княгини Голицыной, которая имела владения во многих местах Северо-Западного края, в том числе и в белорусских губерниях, В. С. Садовников относился к мастерам Академии. О нем Л. Н. Дробов писал, что черты его пейзажа, по сравнению с классическим, во многом упрощены. Строгая архитектура уходит на задний план, однако сохраняется традиционная кулисность и уравновешенность объемов. На переднем плане художник изобразил пролетку – деталь, характерную для быта провинциальной шляхты. Несколько в стороне, у обочины дороги, показана группа крестьян, ожидающих, пока транспорт проедет [14, с. 121–122]. Отодвинутую на второй план архитектуру Л. Н. Дробов соотносит с характерной для белорусского пейзажа созерцательностью, спокойствием. Если русскому пейзажу XIX в. присуща классическая возвышенность, приподнятая эмоциональность, то белорусский пейзаж наполнен природным окружением и укромной средой белорусской земли. Черты классицизма выступают в более обыденном, упрощенном виде. Сохранившееся черно-белое изображение «Менская ратуша» художника Г. Герасимовича интересно как исторический документ, позволяющий не только восстановить некоторые черты классицизма в белорусской архитектуре начала XIX в., но и определить среду городского пространства вокруг. Художника В. И. Дмоховского современники называли «Клодом Лорреном виленских околиц» [14, с. 123], и его произведение «На Родине» (двор в д. Нагородовичи) (1843) показывает быт простого народа в его обыденной среде. Архитектура отодвинута на второй план, и большую часть произведения занимает среда. Увлекающийся в свободное время рисованием Ч. Монюшко (отец композитора С. Монюшко) изобразил «Дворец Ваньковичей в Великой Слепянке» (ок. 1830).

Стоит отметить, что усадебные дома на территории современной Беларуси возводились в основном на фоне преобладающего природного ландшафта, характеризующегося сочетанием равнинных и холмистых участков, лесов, болот, рек и озер, что создает разнообразные живописные пейзажи.

Витебская область является холмистой (Витебская возвышенность), с многочисленными реками и озерами, оставленными ледником. Преобладают хвойные леса, расположены множество болот и лугов. Усадебный дом Плятеров (1904) в аг. Опса возвышается

над одноименным озером, обеспечивая благоприятное всесезонное освещение помещений. Слева от усадебного дома на высоком фундаменте находится одноэтажный флигель из бутового камня, по правую сторону находятся хозяйственные постройки. Архитектурный объем главного усадебного дома доминирует в окружающей среде и одновременно с этим плавно растворяется в живописных участках леса, расположенного на берегу озера. Главный фасад со стороны входа оформлен выступающим портиком на двух массивных колоннах, за которым скрывается фасадная стена с арочными входом и окнами по бокам. Углы здания выделены рустованной кладкой, в соответствии с ними по всему периметру здания выделяются горизонтальные полосы. Рустованная кладка на фасаде усадебного дома выступает приемом изменения текстуры фасада здания, отражая региональные особенности местности. Центральный парадный зал со стороны озера имеет выход на крыльцо полукруглой формы, выложенное из тесаного камня. С крыльца организован спуск на верхнюю террасу, соединенную каскадом лестниц со средней и нижней террасами. Три лестницы шириной около трех метров каждая и две промежуточные площадки имеют боковые ограждения также из тесаного камня. Возвышению архитектурного объема способствует организация продольных (вдоль склона) и глубинных (поперек склона) перспектив. С террас открываются интересные живописные виды на окружающую среду. С каждой из них можно попасть на прогулочные дорожки: самая верхняя идет кольцом вокруг здания, средняя ведет в парк, по нижней можно прогуливаться возле самого озера. Наиболее интересной из них являестся средняя дорожка. Ранее она была обсажена кустами сирени со стороны озера, и у прогуливающегося человека складывалось впечатление, что он движется по краю обрыва над водой. Террасы окружают здание, одновременно возвышая его в среде и наделяя смыслами. Цикл в горизонтальной плоскости сравним с циклами Солнца и Луны, повествующими о времени на земле. Архитектура представляет собой «застывшее» место, в котором протекает жизнь. Изменяющаяся «живая» среда вокруг архитектурного объема и является жизнью. Связующими элементами архитектурного объема и среды выступают озеро, главный вход со стороны парка, оформленный портиком с колоннами, и открытая терраса со стороны озера. Вокруг усадебного дома разбит парк, который украшают группы деревьев, поляны, аллеи, арочный мост из тесаного камня.

Рельеф Минской области является более разнообразным, чем рельеф южных областей. Центральную ее часть занимает Минская возвышенность, в ней протекают реки Свислочь, Неман (на западе), Березина. На территории области находится Минское море (Заславское водохранилище), Нарочанская группа озер (на севере), происходит чередование хвойных и смешанных лесов, лугов и сельскохозяйственных угодий. К особенностям Минской области можно отнести холмисто-моренный рельеф, сформированный ледником, и значительные колебания высот. Усадьба Потоцких (1858) в Березино возвышается над одной из крупнейших рек Беларуси – Березиной, в то время как усадьба Любанских (XVIII в.) находится над огибающей ее р. Свислочь. Усадьба Любанских имеет более декорированный фасад усадебного дома за счет украшения деревянными резными наличниками, наличия крыльца и большой террасы. Фронтон усадьбы Потоцких обрамлен дентикулом, который продолжается по всему периметру здания. Кроме дентикула, в оформлении фасадов использован межэтажный плоский пояс и рустованные лучковые бровки над оконными проемами. Независимо от высоты перепада рельефа, в обоих случаях природный ландшафт является преобладающим. Связующими элементами между архитектурным объемом и средой выступают реки и вход со стороны парка, оформленный портиком в усадьбе Любанских и лоджией в усадьбе Потоцких.

Рельеф Могилевской области равнинный, с небольшими возвышенностями. На ее территории протекают реки Днепр, Сож, Березина. Дворец Булгаков (1830-е гг. – 1914 г.) в аг. Жиличи располагается на обширной равнине на р. Добосне и существует наравне с ландшафтом. На первый взгляд, за счет обширной территории и крупного усадебного дома, не возникает ощущение преобладающего элемента среды. Форма дворца замкнутая, но, несмотря на данную композиционную особенность, расположение позволяет рассматривать его в нетипичной культурно-ландшафтной связи. Дворец не находится на возвышенности, благодаря чему преобладает архитектурный объем, и здание обретает связь с другими ландшафтными элементами. Связующими компонентами архитектурного объема и среды являются шестиколонный портик на главном фасаде, прямоугольный ризалит на парковом фасаде, четырехколонные портики на торцах главного корпуса, арочный оконный проем и колоннада бокового корпуса.

Гродненская область характеризуется синтезом равнинного рельефа и возвышенностей, особенно в северной части (Гродненская возвышенность). На территории области находится Августовский канал, р. Неман и ее притоки, большое количество небольших озер и прудов. Значительную площадь занимают сосновые и смешанные леса, луга и сельскохозяйственные угодья. Часть Беловежской пущи находится на территории Гродненской области. К особенностям области можно отнести характерные водно-ледниковые формы рельефа, сформированные в результате деятельности ледника. Дворец Умястовских (1863–1877) в д. Жемыславль располагается на небольшой возвышенности, на берегу р. Гавья, при этом вся территория усадебно-паркового комплекса имеет преимущественно равнинный ландшафт и находится со средой наравне, нет ощущения преобладания какого-то из элементов. Дублирование равнинной местности можно проследить в плоской

крыше дворца, оформленной в виде обширной прогулочной площадки. В ее центре располагался большой бельведер с арочными окнами, украшенными цветными витражами. Связующими элементами архитектурного объема и среды выступают река, центральный прямоугольный ризалит с глубокой лоджией с мозаичным полом, четырехколонный портик со стороны тыльного фасада, прямоугольные входные проемы с балконами над ними, расположенные по бокам лоджии главного фасада, низкие пристройки с открытыми террасами с торцевых сторон здания. Если на внешних фасадах местные материалы не нашли свое отражение, то в оформлении интерьера большей части парадных и жилых помещений использовалась паркетная доска с орнаментом, стены были украшены дубовыми панелями. Мебель изготавливалась местными мастерами.

Рельеф Брестской области представлен низменной равниной (Белорусское Полесье). Здесь протекают реки Западный Буг, Припять и ее притоки. На территории области находится много мелиоративных каналов. Большая площадь занята болотами (Полесские болота), сосновыми и дубовыми лесами, лугами. На территории Брестской области находится часть Беловежской пущи. К особенностям местности можно отнести плоский рельеф, высокий уровень грунтовых вод, заболоченность. Усадьба Костюшко в Меречевщине (XVIII в.) располагается на равнине и не является доминирующей в среде. Опираясь на иконографический материал Н. Орды, можно сказать, что организованная вокруг одноэтажного усадебного дома среда «утопает» под давлением объема дворца Пусловских, расположенного поблизости, в Коссово. Усадебный дом деревянный, связующим элементом архитектурного объема и среды выступает портик. Фактура дикого ландшафта отображается в архитектуре. Усадьба Рейтанов в д. Грушевке (конец XVIII – начало XX в.) находится на равнине среди других дисперсно расположенных усадебных построек. Усадебный дом деревянный, он объединил в себе элементы ренессансной (лоджия) и классицистической архитектуры (портик). Усадьба Рейтанов так же, как и усадьба Костюшко, отображает окружающий дикий ландшафт.

Рельеф Гомельской области является равнинным, имеет небольшие возвышенности и низины, сформирован под воздействием ледника и рек. Большая часть Гомельской области расположена на территории Полесской низменности, за счет чего рельеф является преимущественно плоским. Область пересечена множеством рек, крупнейшие из которых – Днепр, Припять, Сож и Березина. Реки обусловили формирование пойменных ландшафтов. Значительная территория области занята сосновыми и смешанным лесами и болотами, особенно в северной части. Усадьба Халецких в д. Хальч (к. XVIII в.) располагается на высоком холме, что возвышается над р. Сожью, усадьба является доминирующей в среде. Первый этаж и углы здания выделены рустованной кладкой. Связующими элементами архитектурного объема и среды являются река и портик.

Таким образом, белорусские усадьбы всех регионов не имеют определенной схемы организации среды. Опираясь на описания ландшафта регионов, невозможно вычленить характерные схемы организации среды, поскольку они не являются однородными. На конкретных примерах показано разнообразие белорусского ландшафта и однородность архитектуры, которая в большинстве случаев относится к стилю классицизма. Независимо от разнообразия ландшафта и расположения здания в среде, архитектура феноменологически находится «на земле и под небом». Усадебные дома располагаются на берегах рек и озер, которые являются ландшафтной осью и задают горизонтальные плоскостные ритмы организации среды. В большинстве случаев усадебные дома находятся на возвышенности, и именно она превозносит усадебную архитектуру к небесной вертикали. Возвышение архитектурного объема способствует организации продольных (вдоль склона) и глубинных (поперек склона) перспектив, что является ключевым аспектом в организации среды усадебных комплексов.

Заключение

На основе архивных, библиографических и натурных исследований приведенные усадебные комплексы Беларуси показывают различные культурно-ландшафтные взаимосвязи. Контекст находится в различных связях с архитектурой и играет ключевую роль на этапах европейского взаимодействия с культурными ландшафтами. В ходе исследования было проанализировано взаимодействие архитектуры и среды усадеб людей разных уровней привилегированного слоя общества. Дворец Умястовских в д. Жемыславль выполнен в классицистических формах со своеобразным соединением архитектурных масс, он замкнут, но в то же время диспозиционно связан с ордером. Дворцовый комплекс находится на развороте реки, где постройки расположены таким образом, что композиционно дублируют ее изгиб, тем самым утопая в культурном ландшафте среды. Такое расположение не характерно для дворца Булгаков в аг. Жиличи, поэтому его можно рассматривать в нетипичной культурной ландшафтной связи: не находясь на возвышенности, архитектурный объем преобладает в среде и не слишком сильно взаимосвязан с другими ландшафтными элементами. К усадьбам средней величины относятся усадьбы Плятеров, Потоцких, Любанских, Халецких. Хотелось бы отметить, что усадьбы средней величины выполнены

примерно по одной планировочной схеме, характерной для большинства усадебных комплексов Беларуси. Для данной схемы характерны следующие элементы: подъездная дорога (аллея), засаженная деревьями к усадебному дому; водный массив, находящийся недалеко от усадебного дома; возведение главного дома усадебного комплекса на возвышенности; п-образное расположение построек усадьбы, образующее парадный двор; открытая композиция за счет выделения центрального корпуса и уменьшения масштаба ограничивающих парадный двор строений. Вся композиция находится на главной оси, благодаря чему сохраняется симметрия, уравновешенность и последовательность восприятия. К провинциальным усадьбам относятся усадьбы Костюшко, Рейтанов, которые наиболее ярко отражают окружающий дикий ландшафт.

К основным принципам связи усадебной архитектуры и ландшафта относятся принцип органической интеграции в ландшафт, функциональной взаимосвязи, композиционного единства, а также принцип визуального доминирования и соподчинения. Принцип органической интеграции основывается на преобладающих формах рельефа. Усадебные дома располагаются с учетом естественного рельефа местности, используя его особенности для создания террас, видовых точек, а также для маскировки хозяйственных построек. Постройки ориентируются на наиболее живописные виды, создавая визуальную гармонию с окружающим ландшафтом. Парк или сад являются соединительным элементом среды усадьбы и природного окружения или становятся его продолжением. При строительстве широко используются местные материалы (дерево, камень). Рустованная кладка на фасаде усадебных домов и декоративные резные панели используются как прием изменения текстуры фасада здания, отражая региональные особенности местности, что способствует гармоничному сочетанию архитектуры и природы. Принцип функциональной взаимосвязи заключается в разделении зон усадебного комплекса, расположение которых подчинено логике хозяйствования и удобству жизни. Расположение построек по направлению сторон света, организация ветрозащиты и создание теневых зон учитывались для обеспечения комфорта в любое время года. Принцип композиционного единства достигается через использование центральной оси, на которой располагается главная аллея, парадный вход в усадебный дом. Большинство усадеб построены в стиле классицизма, в основе которого лежит симметрия и пропорциональность. Поддержку классической форме усадебного дома обеспечивают малые архитектурные постройки: беседки, мостики, скульптуры и т. д. Принцип визуального доминирования и соподчинения заключается в определении главного дома усадебного комплекса. Другие постройки и элементы ландшафта располагаются таким образом, чтобы подчеркивать значимость дома. Планировка усадебных комплексов часто использует приемы создания перспективы для того, чтобы визуально увеличить пространство.

Библиографические ссылки

1. Кулагин АН. *Архитектура дворцово-усадебных ансамблей Белоруссии.* Минск: Наука и техника; 1981. 134 с.
2. Лакотка АІ. *Нацыянальныя рысы беларускай архітэктуры.* Мінск: Ураджай; 1999. 366 с.
3. Федорук АТ. *Старинные усадьбы Гродненщины: Свислочский район, Слонимский район*. Минск: Звязда; 2022. 128 с.
4. Norberg-Schulz Ch. *Genius loci: towards a phenomenology of architecture.* New York: Rizzoli; 1980. 213 p.
5. Раппапорт АГ. Среда и архитектура. В: Высоковский АА, Каганов ГЗ, редакторы. *Городская среда: проблемы существования*. Москва: Всесоюзный научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства; 1990. с. 157–178.
6. Генисаретский ОИ. Образ жизни – образ среды. *Декоративное искусство СССР.* 1984;9:38–40.
7. Вергунов АП, редактор. *Архитектурная композиция садов и парков.* Москва: Стройиздат; 1980. 254 с.
8. Дубяго ТБ. *Русские регулярные сады и парки.* Ленинград: Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам; 1963. 341 с.
9. Бломквист ЕЭ. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения). В: Токарев СА, редактор. *Восточно-славянский этнографический сборник.* Москва: Академия наук СССР; 1956. с. 3–458.
10. Швидковский ДО. Усадьбы старые таинственной Руси. *Наше наследие.* 1994;29–30:5–19.
11. Потаев ГА, Потаева ГР. *Садово-парковое искусство Беларуси, стран Востока и Запада.* Минск: Беларусь; 2020. 199 с.
12. Игнатьева МЕ. *Сады старого и нового мира: путешествия ландшафтного архитектора.* Санкт-Петербург: Искусство-СПБ; 2011. 446 с.
13. Воейков АФ. Прогулка в селе Кускове. В: Дельвиг АА, составитель. *Северные цветы на 1825 год.* Санкт-Петербург: Департмент народного освещения; 1824. с. 81–108.
14. Дробов ЛН. *Живопись Белоруссии XIX – начала XX в.* Минск: Вышэйшая школа; 1974. 334 с.

Статья поступила в редколлегию 04.09.2025.
Received by the editorial board 04.09.2025.